

## ЕВРОПЕЙСКИЙ ЮМОР В РОССИИ XVII в.<sup>1</sup>

Юмор — одно из ключевых средств языка, фольклора и литературы, маркирующих поведенческие и логические аномалии (норма / не норма), этнокультурные различия (свое/чужое), социальные противоречия (правда/кривда) [Пропп; Мелетинский; Лихачев, Панченко, Поньрко]. При всей универсальности категория смеха весьма специфична в своих историко-культурных проявлениях. Вопрос о том, когда смех из явления повседневной жизни русского человека превратился в одну из констант национальной культуры, имеет большое значение для истории русской литературы<sup>2</sup>. По общему мнению, реабилитация смеха и «реформа веселья» Петра I стали одним из важнейших новшеств в русской культуре конца XVII — начала XVIII в. Вместе с тем перелом в отношении к смеху не был только результатом целенаправленной деятельности Петра. Еще до его рождения в России распространялись тексты, которые показывали русскому человеку, что смех сам по себе не является грехом. Постепенно утверждалась мысль о том, что смеяться можно не только в ритуализованных контекстах свадьбы или пира, а «смешить народ» дозволено не только скоморохам или юродивым, но и обычным людям [Панченко, 1984, с. 112].

Одним из важнейших аспектов проблемы генезиса русской «смеховой» литературы следует признать вопрос о соотношении национального и заимствованного в корпусе «смеховых» текстов. Если в середине XIX в. Н. А. Добролюбов категорически утверждал, что «сатира явилась у нас как привозный плод, а вовсе не как продукт, выработанный самой народной жизнью» [Добролюбов, с. 314], то столетие спустя В. П. Адрианова-Перетц отстаивала положение о фольклорных истоках русской сатирической литературы [Адрианова-Перетц, 1954, с. 37–38].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы систематизировать выявленные к настоящему моменту смеховые произведения XVII в., заимствованные русской культурой из Европы, и проанализировать основные пути проникновения в Россию иноземного юмора.

Сразу следует отметить, что отдельные образцы иноземного юмора попадали в Россию и ранее XVII столетия. Шутливые высказывания содержат Синайский патерик [Мурьянов, с. 199–200], Сказание Афродитиана<sup>3</sup>. Множество жутковатых по своему содержанию шуток включает Сказание о Дракуле [Михайлова, Одесский, с. 71]. В числе наиболее ранних смеховых произведений, появившихся в России под влиянием западной культуры, следует рассматривать и «Повесть о бражнике» [Семячко, Смирнов, с. 85–87]. Этот перечень можно значительно расширить. Однако до начала XVII столетия подобные материалы встречаются крайне редко. Кроме того, весьма затруднительно оценить степень их реального влияния на русскую книжность.

### **Басня и начало «Смеховой революции» XVII в.**

По нашему мнению, поворотным моментом для русской книжности стал 1607 г., когда переводчик Посольского приказа Федор Касьянович Гозвинский перевел с греческого языка на русский басни Эзопа. Примечательно, что источником перевода стало одно из переизданий или рукописных копий сборника, опубликованного в Милане Боном Аккурсием [Тарковский,

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 11-04-00268.

<sup>2</sup> «Новые жанры появляются в XVII в. в результате вакуума, созданного отступлением фольклора... Потребность в сатире перестает удовлетворяться одним фольклором, и в литературе создается демократическая сатира, с одной стороны, и «аристократическая» сатира Симеона Полоцкого, с другой» [Ромодановская, 1994, с. 168].

<sup>3</sup> Сказание Афродитиана // БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. С. 248.

Тарковская, с. 7]. Данный текст принадлежал культуре европейского Ренессанса. Это было светское произведение, не связанное с Церковью. В начале перевода Гозвинский поместил собственные стихи, где оправдывал свое дерзкое деяние: «Глумление сея притчи не в глумех, но утешительное прочитание в разумех» [Тарковский, Тарковская, с. 212], то есть шутки из басен — не «глум», а пища для разума. Для перевернутого смехового мира Средневековья животные, действующие как люди, — нечто вполне обычное. Однако в Эзоповых баснях Гозвинского встречается и гораздо более тонкий юмор. К примеру, в басне «О лисе и о крокодиле» крокодил всячески расхваливал свое благородное происхождение, а лисица соглашалась с ним преувеличенно охотно, расхваливая в качестве «явного» признака «благородства» его крокодилью кожу [Тарковский, Тарковская, с. 214]. Здесь перед нами очевидный пример иронии, когда истинный смысл высказывания противоречит прямому значению утверждения. Басни сопровождалась толкованиями. Благодаря этому они становились своеобразным учебником иронии для наименее сообразительных книжников. Читатель приучался искать за прямыми высказываниями истинный смысл.

Хотя большинство переведенных Гозвинским басен представляли собой назидание, а не «глум» или «кощунство» (то есть смех и шутки), непривычное для русской книжности произведение не могло не вызвать критики. Так, в феврале 1627 г. в Москве проходил организованный патриархом Филаретом диспут между автором «Катехизиса» Лаврентием Зизанием, с одной стороны, и справщиком Московского Печатного двора Григорием Онисимовым и игуменом Богоявленского монастыря Ильей, с другой стороны. Оппоненты обвинили Зизания в том, что он использовал при составлении «Катехизиса» басни Эзопа [Опарина, с. 158–160]. Негативные оценки использования басенных мотивов в сочинениях религиозной тематики встречались и позднее [Тарковский, Тарковская, с. 35–36], однако претензии критиков касались в большей степени неуместности использования Эзопа в религиозных контекстах, чем обращения к басням в принципе. Басни изначально оказались вне религиозной культуры. Попыток их запрета как неприемлемого чтения не известно. Зато выявлены случаи использования басен для создания русских смеховых произведений. Так, иеромонах Евфимий Чудовский использовал басенный материал при создании «Слова», направленного против Симеона Полоцкого. По сути, «Слово» представляет собой сатирический памфлет, в котором Симеон Полоцкий представлен гордецом, лишь прикидывающимся смиренником [Тарковский, с. 253–254].

21 января 1689 г. датирован «Список судного дела, как тягася волк с лисицею» [Тарковский, Тарковская, с. 20]. Его сюжет основан на басне, в которой говорится о том, как лиса не пришла к заболевшему царю зверей льву. Волк обвинил лису в пренебрежении ко льву, а та, в свою очередь, сказала, что бегала за лекарем, посоветовавшим для излечения льва содрать шкуру с самого волка. Обработавший басню автор пытался приблизить ее к традиционным для русской смеховой литературы пародийным переделкам документов [Трахтенберг, с. 686–687]. Кроме того, сочинение имеет точную дату. Вряд ли это случайность. Скорее всего, автор имел в виду какое-то конкретное произошедшее в этот день событие. Политическая ситуация в Москве к началу 1689 г. крайне обострилась. Московская знать металась между двумя «львицами» — царицей Натальей Кирилловной и царевной Софьей Алексеевной. До свержнувшего Софью переворота оставались считанные месяцы. Скорее всего, «Список судного дела» был сатирой, направленной против кого-то из придворных.

В течение XVII в. круг читателей басен увеличивался не только за счет создания новых списков, но и благодаря новым переводам. В 1674 г. переводчик Посольского приказа А. А. Виниус перевел немецкий сборник басен «Зрелище жития человеческого», в 1675 г. ротмистр Петр Кашинский сделал перевод сборника басен, вышедшего в Кракове на польском

языке [Тарковский, Тарковская, с. 147, 165]. В 1683 г. перевел с латинского языка «книгу Езопа» переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский [Булаин, Николаев, с. 231]. В годы правления Петра I издание басен стало частью государственной политики [Тарковский, Тарковская, с. 30, 32]. Таким образом, мы видим, что появившийся в начале столетия интерес к басне стал заметно возрастать в годы правления Алексея Михайловича и пережил резкий взлет в годы правления Петра I. Источниками переводов были тексты на греческом, немецком и польском языках. Значение басен для «реабилитации» смеха трудно переоценить. В них смеховые по своему характеру тексты предстают как объект письменной книжной культуры. Их чтение становится достойным занятием для умных и образованных людей.

### Повести, новеллы, литературная пародия

Басни не были единственным видом художественной смеховой литературы, попадавшей в Россию из Европы в XVII столетии. Одновременно в русскую культуру входили позаимствованные на Западе анекдоты, новеллы, пародии и комедии. Не позднее 30-х годов XVII в. в русской книжной традиции появляется «Сказание о куре и лисице», древнейший список которого относится лишь к концу XVII в. Основа его сюжета — нравственно-богословский диспут между лисой и петухом, в ходе которого лиса подманивает петуха, а потом съедает его. «Сказание» представляет собой русскую переработку «бродячего» сюжета, широко известного в средневековой Европе. Переработка его осуществлена настолько глубоко, что ее источник можно лишь угадывать [Охотина, с. 418—419]. Юмор произведения построен на том, что диспут ведется между животными, лиса обвиняет петуха в естественном для куриного племени «блудном» грехе, да и сам ход диспута ни в коей мере не влияет на результат — читателю понятно, что петуха съедят вне зависимости от философской глубины его аргументов.

Новые заимствования появляются во второй половине 70-х годов XVII в. К 1679 г. относится перевод польского сборника «Faciesje Polskie», получившего заглавие «Фрашки, сиречь издевки. Факецы, или жарты полски, издевки смехотворны московски, от пяти разных трактатов преложены...». Он включает западноевропейские анекдоты и новеллы эпохи Возрождения, заимствованные у различных авторов, к примеру, из «Декамерона» Д. Боккаччо [Пигин, с. 79; Малэк, 2008, с. 50—75]. С. И. Николаевым отмечено 39 списков этого сочинения, в числе которых три датируются XVII в. и один рубежом XVII—XVIII в. [Николаев, 2008, с. 152].

Целый ряд переработок сочинений европейских авторов сделан Симеоном Полоцким при написании «Вертограда многоцветного». При всей серьезности и назидательности произведения в его составе встречаем яркие образцы сатиры. К их числу можно отнести стихотворение «Жабы послушливыя», переложенное из «Великого зеркала» («Magnum speculum») [Хипписли, с. 702]. В нем рассказывается о том, как наставник обители, шутя, отправил инока унять мешавших службе своими криками жаб, однако последний всерьез призвал их к тишине Христовым именем. Сатирический эффект достигается завершающей притчей жалобой на тех, кто мешает церковной службе и не слушает увещаний пастыря: «Наипаче сокочут язычныя бабы, досаждающе паче, неже овы жабы. Тщитесь убо, бабы, жабы подражати, во время жертв духовных глас свой удержати»<sup>4</sup>. Было переведено на русский язык и само «Великое зеркало». Первый перевод появился в 1676—1677 г., а второй не позднее 1689 г. [Ромодановская, 1992, с. 165—171]. В качестве примера юмора «Великого зеркала» можно привести притчу о бесе, стерегущем репы святого и искренне возмущенном клеветой вора — «бес меня подучил»<sup>5</sup>.

Конец XVII столетия ознаменовался появлением в русской книжности целой серии заимствованных смеховых сочинений. Отметим, что в большинстве случаев начало бытования текстов определяется датой наиболее раннего списка. Соответственно, у исследователей нет

<sup>4</sup> Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подгот. текста, статья и комм. И. П. Еремина. М., Л., 1953. С. 45—46.

<sup>5</sup> Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 84—85.

уверенности в отсутствии более древних рукописей. Однако, по нашему мнению, такой подход оправдан, поскольку отсутствие рукописей говорит о том, что даже если текст бытовал и в более раннюю эпоху, то в массовом порядке он все же не копировался. В числе таких сочинений «Сказание о роскошном житии и веселии», где изображена «смеховая» небывалая страна, «Повесть о Шемякином суде» [Николаев, 1992, с. 311–314]. Ярким примером острословия является переведенное в 1691 г. сотрудником Посольского приказа С. Ф. Чижинским «Выдание о добронравии» Яна Жабчица [Николаев, 1981, с. 163–192, 190–192].

Иногда литературные тексты попадали в сферу внимания российских властей случайно при переводе политических документов. В 1698 г. в Межигорском монастыре под Киевом был задержан польский шляхтич К. Доморацкий. Среди прочих документов у Доморацкого были отобраны «шесть писем да цыдулка», с которых сделали перевод. Один из текстов — «Перевод с списка листов чужеземных, переведенных на полской язык с розных языков» — оказался пародийным описанием путешествия по историческим местам: «Ходя ономясь около Трои, видели есмы дым из некоей печи розваленной, х которой как пришли есмы, нашли три каплуна взоткнуты на рожон, уже и спекшиеся». Другой текст — «Список з домовых листов» — представлял собой пародию на газету: «Под черским городом было трясение земли, а сказывали про то мужики пьяные, которые и то еще сказывают, что с ними и земля вокруг поворачивалась» [Николаев, 1992, с. 307–309].

Остается открытым вопрос о происхождении другого текста «юмористических курантов» (пародии на газетные новости, известной уже в списке 80-х годов XVII в.) [Адрианова-Перетц, 1948, с. 48–56; Розов, с. 444–448; Малек, 2004, с. 427–429]. Перевод ли это неустановленного европейского оригинала либо отечественный «аналог популярного жанра польской юмористики» [Николаев, 1992, с. 309; Мочалова, с. 231–263]? В любом случае, коль скоро старейший список 80-х годов XVII в. позволяет предположить «существование копий еще более раннего времени» [Малек, 2004, с. 426], мы имеем основания соотнести гипотетический русский перевод (либо подражание жанру пародийных авизий) с процессом интенсивного распространения в России во второй половине XVII столетия переводов из европейской прессы<sup>6</sup>.

Ряд памятников разрабатывают в сатирическом ключе известную еще по сочинению Даниила Заточника тему «злых жен». В 1696 г. с польского языка переведено «Златое ярмо супружества». Пожалуй, лучше всего взгляды его автора на брак отражают слова: «Что реку вкратце быти женидбище? Ничто же: токмо тартар и злых чистилище» [Панченко, 1979, с. 315]. Списки «Златого ярма» сохранились только в рукописях XVIII в. [Николаев, 2008, с. 115]. Еще один подобный текст — «Наука разных философов о обирании жены» — содержится в литературном сборнике подьячего Посольского приказа Родостамова [Николаев, 1989а, с. 101–105]. Он представляет собой перевод [Там же, с. 176–188] неоднократно издававшейся в XVI–XVII в. книги польского писателя Бартоша Папроцкого «*Nauka rozmaitych filozofów obierania żony, jako młodzieńcom jedni radzą, drudzy odradzają żenić się dla przyczyn rozmaitych*» — «антифеминистской инвективы, построенной как ученый трактат» [Там же, с. 102]. Суровые обличения женской «злости» разбавлены анекдотами о дородном философе и его малорослой супруге: «Я изволи есмь и взял то, что между злым наименшего увидел» [Там же, с. 177], а также о Сократе, которого громогласно бранила, а под конец и облила водой жена: «Чаях, яко по толь великом гrome таков и дождь имать быти» [Там же, с. 182].

Для наиболее образованных представителей русского общества возможности для знакомства с иностранным юмором расширялись за счет непосредственного обращения к оригинальным текстам. Так, А. П. Богданов, изучая «Генеалогию» Игнатия (Римского-

<sup>6</sup> См. подробнее ниже — раздел «Газетные статьи, политический памфлет и сатира».

Корсакова), предположил, что трудившийся в конце XVII столетия автор использовал при ее составлении сочинения античных сатириков Гая Луцилия, Персия Флакка и Децима Юния Ювенала [Богданов, с. 75].

### Театральные постановки

Среди европейского культурного импорта XVII столетия особое место занимали театральные постановки. В 1668 г. находившиеся во Франции члены русского посольства во главе с П. И. Потемкиным смотрели постановку комедии Мольера «Амфитрион» [Новоселов, с. 355].

Возможность ознакомиться с образцами сценического юмора непосредственно в Москве появилась после того, как в 1672 г. был организован придворный театр царя Алексея Михайловича. Как показала последняя работа К. Дженсен и И. Майер, толчком к созданию театра стал любительский «балет» под названием «Орфей» — шуточное представление с музыкой, танцами и короткими веселыми номерами, разыгранное перед царем Алексеем Михайловичем живущими в Москве иностранцами 16 февраля 1672 г. [Jensen, Maier]<sup>7</sup>.

Первые пьесы русского театра — «Июдифь» и «Артаксерксово действо» — имели черты так называемых «английских комедий», где трагические сцены чередовались с комическими<sup>8</sup>. Некоторые из шуток, включенных в действие, представляют собой яркие образцы «черного» юмора. В «Июдифи» юмористическую составляющую конденсируют сцены с солдатом Сусакимом — обжорой, проходимцем и шутником, в особенности его шутовская казнь, предвещающая гибель Олоферна<sup>9</sup>. В ответ на приказ быстро без проволочек отсечь ему голову: «Тебе же, изменниче, краткое действо учинится», Сусаким отвечает: «ей, истинно краткое действо, когда пядь длины моя убудет»<sup>10</sup>. Не менее эффектно звучала и шутовская реплика служанки Абры после убийства Олоферна: «Ох, таковому храброму воину главу отсека!.. Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Июдифь з главою его ушла?»<sup>11</sup>.

«Артаксерксово действо» включало интермедии с участием спекулятора (палача) и одновременно шута Мопса и его жены Геленки. Интермедии сохранились не полностью. Это видно из того, что в известных нам эпизодах действия Геленка не участвует<sup>12</sup>. В сохранившихся материалах наиболее яркими оказались шутки в сцене казни Амана<sup>13</sup>. Аман обращается к окружающим с патетическими речами, а палач переиначивает его слова, придавая им практический смысл и тем самым снижая их. Аман: «Звезда моя погибла, горлица ныне из сокола насмеяется, житья моего древо весмя искореняется!». Мопс: «Зде стоит твое древо со належащим бревном, еже абие украсится со изрядным повешенным соколом»<sup>14</sup>.

«Темир-Аксаково действо» включало две интермедии с шутовскими персонажами — Пикельгерингом (крадет у солдат вино, деньги и письмо к правителю Царьграда, уверяя, что не имеет никакого отношения к пропаже и без нечистой силы здесь не обошлось<sup>15</sup>) и Телпелем (он предлагает свои услуги в качестве наемника, а когда его спрашивают, умеет ли он драться, отвечает, что пришел пить, а не драться, в результате наемники бьют Телпеля, а Манес грозит ему: «Аз тя научю кощунствовати»<sup>16</sup>).

---

<sup>7</sup> Благодарим авторов исследования, любезно предоставившим нам возможность ознакомиться с рукописью статьи.

<sup>8</sup> Первые пьесы русского театра / О. А. Державина и др. М., 1972. С. 43–44.

<sup>9</sup> Там же. С. 358–359, 376–379, 391, 414, 420–423, 437–442.

<sup>10</sup> Там же. С. 432.

<sup>11</sup> Там же. С. 451.

<sup>12</sup> Там же. С. 44.

<sup>13</sup> Там же. С. 240–242.

<sup>14</sup> Там же. С. 241.

<sup>15</sup> Ранняя русская драматургия посл. четв. XVII и нач. XVIII в. / О. А. Державина и др. М., 1972. С. 68–72.

<sup>16</sup> Там же. С. 73–77.

В 1676 г. была поставлена первая в России полностью комедийная по своему содержанию пьеса «Комедия о Бахусе с Венусом». Ее текст не сохранился, однако о комедийном характере произведения однозначно свидетельствует состав актеров: «Бахус, его жена Венус, их сын Купидон, 10 пьяниц, 3 человека пьяниц лежащих, отец пьяниц, “бордачник”, двое слуг “бордачника”, шут, 4 человека, наряженных медведями», и др. [Каган, 1993а, с. 176]. Вне зависимости от того, был ли автором комедии переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, или же пастор И. Г. Грегори, в связи этого произведения с европейской культурой вряд ли можно сомневаться.

Влияние Запада, безусловно, присутствует и в театрализованных действиях «всешутейного собора» Петра I. Оно проявилось и в обращении к мифологическим античным персонажам (Бахусу и др.), и в появлении таких действующих лиц, как «папа» и «кардиналы», и в использовании маскарада как элемента этих действий [Крюгер, с. 358–385].

### **Газетные статьи, политический памфлет и сатира**

В XVII в. в повседневной жизни верхушки московского двора возникает новое явление — переводная пресса. Московская политическая элита знакомилась с этим типом чтения по «служебной необходимости»: российские власти интересовались новостями о международных отношениях в Европе. Лишь немногие из этих текстов покидали пределы Посольского приказа и становились частью рукописной книжной традиции. Однако их влияние на русскую культуру нельзя мерить простым числом рукописных копий. Переводы транслировали европейские культурные нормы тем людям, которые определяли дальнейшее развитие России. Знакомство с памфлетами постепенно меняло представления о границах между нормой и девиацией в области политической культуры. Ниже мы остановимся подробнее на тех произведениях, которые имеют непосредственное отношение к теме исследования.

Среди текстов, появившихся в России уже в начале XVII в. и вошедших в книжную культуру, следует отметить антитурецкие памфлеты. Д. К. Уо отмечает появление в России редакций, датированных 1621, 1637, 60-ми, 1663 (два варианта), 1678, 1678, 1683 г. [Waugh, p. 26–29]. Памфлеты данного типа представляют собой поддельные угрожающие письма турецкого султана различным владетелям Европы. Иногда они сопровождаются ответом адресата. Переводы сделаны с памфлетов на немецком, нидерландском и польском языках, однако в целом эта *Turcica* не принадлежала какой-то отдельной стране. Антитурецкие памфлеты легко преодолевали языковые границы по всей Европе. Эти тексты копировались русскими книжниками, подбирались в специальные подборки, вставлялись в летописные и мемуарные сочинения.

Ирония присутствует во всех редакциях памфлетов этого типа. Она заключается в преувеличенной пышности титулатуры, которой европейские памфлетисты «награждали» османского правителя. Под их пером султан становился претендентом на владычество всей Вселенной. В число титулов входили и такие неожиданные для исламского владыки, как «бич божий, блюститель гроба распятого господина» [Каган, 1958, с. 244] (то есть Иисуса Христа). Разумеется, чтобы оценить этот юмор, необходимо было понимать, что титул поддельный. В наибольшей мере смеховой характер апокрифической переписки турецкого султана отражен в текстах 1663 и 1678 г., которые, безусловно, относятся к числу смеховых. Ирония приписанной константинопольскому владыке титулатуры усиливается в ответных текстах, где пышный титул султана представлен в пародийном виде. Так, ответ цесаря Леопольда (1663 г.) содержит титул: «Магмете, сыне погибели, дедич вечного осуждения, муж гнилы древа жизни смрадный, блядословие бога» [Каган, 1958, с. 248]. Еще более острым и развернутым оказался титул турецкого султана в ответе чигиринских казаков: «Салтан, сын проклятого Салтана Турскаго,

товарищ сатанинъ, бездны адовы, салтан Турской, подножие Греческое, повар Вавилонский, бронник иерусалимский, колесник Асирейский, винокур Великаго и малаго Египта, свинопас Александрийский, арчаг Армянской, пес Татарской, проклятый аспид, похитель Каменца Подольнаго, и всех земных подданных шпынь и скаред, и всего света привидение, Турскаго уезду бусурман, равен смуту, клевет сатаяин, и всего сонмища, адов внук, проклятаго сатаны гонец, распятаго Бога враг и гонитель рабов его, надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же» [Попов, с. 456]. Здесь пародийный титул составляет практически весь текст письма. Остальное содержание произведения — одна строка с обещанием не сдаваться. Непосредственного оригинала для текста 1663 г. найти не удалось. Наиболее же ранний из списков 1678 г. имеет заглавие «Перевод с польского письма, список с листа султана турскаго» [Каган, 1993б, с. 225]. Именно эти смеховые антитурецкие памфлеты получили наибольший отклик в русской культуре. Уже в Хронограф 1696 г. из всего многообразия памфлетной «переписки» турецкого султана кроме текстов 1663 и 1678 г. были включены лишь два письма султана польскому королю [Попов, с. 453]. Позднее же переписка султана с чигиринскими казаками превратилась в письмо запорожцев, которое стало образцом для многих пародийных «ответов врагу» и активно живет в культуре вплоть до наших дней [Шамин, 2011а, с. 238–246].

Любопытно, что еще одно памфлетное письмо турецкого султана с более сложным юмором не получило распространения в рукописной книжности: его перевод (если не считать не найденного пока черновика) так и остался единственной копией на русском языке. Речь идет о «Вымышленном письме султана Ибрагима I папе Иннокентию X». Памфлет был написан во второй половине 40-х годов XVII в. в связи с нападением султана Ибрагима I на Венецию. Неизвестный автор от имени султана убеждал папу в том, что римляне и турки — родня по линии Энея — бежавшего из Трои основателя Рима. Для того чтобы понять юмор автора, необходимо было обладать познаниями как в античной истории, так и в европейской политике. В Россию этот текст попал вместе с немецкими газетами примерно 40 лет спустя после написания. Его включили в сводку курантов от 3 февраля 1687 г. Знакомившийся с этими курантами В. В. Голицын, безусловно, мог по достоинству оценить иронию памфлетиста. Однако сколько-нибудь широкого круга читателей для такого рода литературы в России еще не появилось [Шамин, 2012, с. 262–268].

Другие памфлеты не составляли столь крупных комплексов и не имели такого широкого хождения. Их удобнее рассмотреть в соответствии с регионами, политическую жизнь которых они отражали. Начиная с середины XVII в. целая серия сатирических текстов поступила в Москву из Польши. Их появление связано с борьбой шляхты против короля Яна Казимира и его супруги Марии Луизы де Гонзага, благодаря которой в Польше усилилось влияние Франции. Наиболее ранним из них является «Список с белорусского писма 161 генваря в 30» (1653 г.). Этот документ является рукописным летучим листком, циркулировавшим на территории Речи Посполитой. В нем говорилось следующее: «В лете сем минувшем нынешнего короля полского, которая прежде была женою короля Владислава, по смерти ж его папез римский благословил брату его королю Казимеру пояти себе в жену. Та королева породила летом дитя или детищ пять глав имеющ от них иже едина глава человеческая была, прочи звериные главы. О сем король оуведав с скорбию великою повелел вскоре в землю закопати того детища пятиглавного, и запретил секретару своему, да ни кто ж от человеков о сем не оуведает. Сам же король от скорби в болезнь впал»<sup>17</sup>. В тот период рождение уродцев рассматривалось как результат сношения с нечистым. Для тех, кто знал, что Мария Луиза де Гонзага уже не могла иметь детей, этот рассказ был злой и циничной шуткой, несведущий же человек мог увидеть в сообщении некое грозное пророчество.

---

<sup>17</sup> РГАДА. Ф. 141. 1653 г. Ед. хр. 130. Л. 3.

Памфлеты более позднего времени однозначно были политической сатирой. Под 1669 г. С. И. Николаев упоминает «Перевод с польского пасквиля... для чего польский король не поляк». Данный текст не исследован и не издан [Николаев, 1989а, с. 209]. В 1672 г. сделан перевод пародийной переделки молитвы «Отче наш», обращенный неизвестным польским автором к Яну Казимиру [Шамин, 2011б, с. 107–111]. Наиболее поздним в этой серии стал «Перевод с польского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом, и сенатором, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8» (1676 г.) [Николаев, 1989б, с. 151–173].

«Вирши на бесчестье» относятся к разновидности сатирической поэзии, удачно названной Г. А. Гуковским «солдатскими стихами». Ключевыми сатирическими приемами этого цикла выступают «плясовая» метафорика («Ян Собеский — струны, / Жена его — смык, / Польша с Литвою — скрипица, / Король французской игрец»<sup>18</sup>), басенные «звериные» уподобления («...кримскому хану / Объявлял дружбу, псу-бусурману. / Для того, дабы о нем помнил всегда / Во время свое, как придет беда; / Залазил себе волк у волка дружбы»<sup>19</sup>; «О дай бы не было бискупов-кабанов... / И тех боровков, обман-езувитов»<sup>20</sup>), техника «перевернутого мира» («просим вас, ксендзы, до обозу. / Нет там голоду, нужды, ни морозу, / Там кельи теплы, перины пуховы, шутки пороховы... / Там хан в грехах прощает — головы срывает»<sup>21</sup>), гротескная рифмовка («Ныне достойно Польше с своею славою / лежать под лавою»<sup>22</sup>).

Среди новонайденных сатирических памфлетов пока удалось выявить только один, направленный против Яна Собесского: «Голос ловчего, сильной прибирает различных охочих псов». В рукописи Посольского приказа он определен как «посмеятельной пашквиль». В сочинении ближайшие сподвижники Собесского представлены в качестве псов различных мастей и «охотничьих» качеств<sup>23</sup>. Судя по другим документам данного дела, памфлет попал в Россию в 1689 г. Столь небольшое число сатирических текстов времени Собесского можно объяснить пришедшимся на период его правления длительным перерывом в работе постоянного представительства России в Польше. Кроме того, польские памфлеты 80-х — первой половины 90-х годов XVII в. изучены хуже всего. Можно предполагать, что впоследствии будут найдены и другие сатирические документы этого времени.

Целый комплекс сатирических памфлетов попал в Москву в период бескоролья, начавшегося летом 1696 г. после смерти Яна Собесского. Перечислим те из них, где юмористическая составляющая очевидна.

Памфлет «Коварство французское француз княз де Конты»<sup>24</sup> построен в форме диалога между поляком и кандидатами на польский престол и направлен, как кажется поначалу, на поддержку кандидатуры де Конти: он прославляется как щедрый, смелый и опытный правитель. Однако поляк отвечает, что де Конти не годится, поскольку будет править на французский манер. Дальше права на трон Польши заявляют правители Баварии, Саксонии и Бранденбурга, а также сыновья Собесского Яков и Александр. В каждом из них поляк находит какой-нибудь недостаток. Тогда свою кандидатуру предлагает крымский хан (на тот момент жесточайший противник Польши), и оказывается, что именно он удовлетворяет всем пожеланиям поляков. Переводчик Посольского приказа явно понял и оценил юмор памфлетиста. Это видно из

<sup>18</sup> Николаев. 1989б. С. 157.

<sup>19</sup> Там же. С. 167.

<sup>20</sup> Там же. С. 172.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. С. 163.

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 12–14.

<sup>24</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. Л. 328–331. Архивная датировка ошибочна. Дела 1696–1697 г. Вероятнее всего, путаница произошла из-за очень плохой сохранности дела. Текст имеет значительные утраты.



характера речи хана. Владелец Крыма в диалоге явно коверкает язык: «Твоя пани моя пана. Твоя лютер моя лютор», «Моя кобыла, лошак и баран ешь, а молодой курицы не смотри». Переводчик сумел сохранить эту особенность речи хана в русском тексте.

Если предшествующее произведение — мягкий юмористический упрек полякам в излишней разборчивости при выборе кандидата в короли, то следующий текст — «Челобитная Правды к наянейшей кор[оле]ве»<sup>25</sup> — несомненная сатира, направленная против вдовствующей королевы. В ней отвергнутая Марией Казимирой Правда вновь бьет челом через посредство «[...]нищаго в породного шляхтича полского (который и я есмь имею волю [...])». Королева обвиняется в том, что она еще при жизни супруга злоупотребляла своим положением. Ее советницу называют «лифлянская воржея, пужалиже конопелное».

Против де Конти направлено «Гадание первое есть, что королю надо быть цвета разного»<sup>26</sup>. В нем кандидат на польский трон предстает как ненадежный человек, каждое из положительных качеств которого имеет свою неприглядную оборотную сторону:

«Католик, понеже в римской с христианы вере.  
Неверен, понеже с турком имеет крепкое перемирье...  
Богат, понеже имеет миллионы готовы.  
Беден, имения продал, самому негде прислонить головы».

В конце памфлета автор даже начинает «убеждать» читателя, что именно такой король и нужен: «Что обманщик шпынь и коварник, что тебе болши искать? А что блядин сын, не лай, где тебе его мать было знать?». Высказывание более чем ироничное, поскольку вряд ли кому-нибудь хотелось бы иметь правителя с таким списком недостатков.

Одна из сохранившихся сатир направлена против великого гетмана коронного Станислава Яна Яблоновского. В русском переводе она имеет название «Перевод с полского писма с виршей, каковы учинены з де Контиевой стороны на гетмана великого корунного да на бискупа куявского»<sup>27</sup>. Текст, безусловно, написан как политическая сатира, однако в русском переводе концептуальный польский юмор превратился в невнятные образы типа «Губа яблоновая очевидной неволи полской... Губа дубовая элекцыиной незгоды». В результате сам смысл памфлета можно угадать лишь с трудом.

В памфлете «На клятву пашквилестов» неизвестный автор обращается с критикой сразу к нескольким политическим деятелям. Вновь избранного короля Августа он упрекает в том, что тот созидает свою власть на злом основании. Марию Казимиру памфлетист стыдит тем, что она потеряла трон для своих сыновей. Последним писатель сочувствует, говоря, что их «проклятая яблонь» (то есть Яблоновский) лишила шансов на власть. В наибольшей мере смеховое содержание памфлета видно в обращении к туркам и татарам. За них автор «искренне радуется», поскольку Польшу защитить некому<sup>28</sup>.

Судя по документам Посольского приказа, число переведенных в 1696–1697 г. на русский язык польских сатирических памфлетов было значительно больше<sup>29</sup>. Возможно, со временем удастся разыскать и другие тексты. Кроме польских памфлетов, в Посольском приказе знакомилась с текстами немецких и нидерландских сочинителей. Иногда юмористические описания встречаются в составе вполне серьезных описаний политических событий. Так, явные юмористические нотки присутствуют в описании торжественного обеда, который курфюрст Саксонии Иоганн Георг I дал герцогу Карлу Фридриху фон Мюнстербергу (1621 г.) после

<sup>25</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. Л. 385–389. Текст имеет значительные утраты.

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. Л. 389–390. Текст имеет значительные утраты.

<sup>27</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 21–25.

<sup>28</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 175–177.

<sup>29</sup> РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251, 252.

завершения дипломатических переговоров: «После ужины пошли все в большую полату и учили танец водит. И в те тонцы его курфистская милость со многими дворяны в ыные потешные платья переоделися и в шестом часу ночи аки селские мужики пришли з гудками и с волынками в мужиче плате розных цветов. На тонец пришли и танцовали шлеизенские послы, а которые до тех мест нагами станали, а тут в танцу рядом с молодыми скакали. И до дневного часу бреславской дохтур так запился, что ево два человека в ево хоромы одва дотащили»<sup>30</sup>.

Поступала в Россию и политическая карикатура. Англичанин Самуэль Коллинс, бывший врачом царя Алексея Михайловича в 1659–1666 г., жаловался на засилье в России нидерландских сатирических листков: «Голландцы стараются также унижить и осмеять англичан: рисуют карикатуры, сочиняют пасквили и тем дают русским невыгодное об нас понятие. Они изображают нас в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами. Таких неприличных картин очень много, и кистью они владеют искуснее, нежели пером. Они производят большое действие в народе варварском, особенно когда некому противоречить»<sup>31</sup>.

Не позднее 1676 г. был переведен «Французской покаянный псалом», в пародической форме отражающий политические коллизии между Францией и Испанией<sup>32</sup>. К сожалению, установить, с какого оригинала был переведен данный текст, пока не удалось. В курантах 1682 г. встречаем перевод анекдотической истории о том, как дьявол отучил командный состав «кувердинского полку» играть в карты<sup>33</sup>. В куранты от 13 августа 1685 г. был включен перевод немецкой газеты с небольшим памфлетом, отправленным туда из Лондона. Памфлет был связан с предстоявшей битвой между войсками поднявшего мятеж Джеймса Скотта, герцога Монмута, внебрачного сына Карла II, и королевской армией под командованием Джона Черчилля, герцога Мальборо. Сочинение имело обычную для памфлетов форму переписки. Монмут предлагал королевскому военачальнику перейти на свою сторону: «Мы о том послали к тебе нарочного гонца с королевским нашим повелением, дабы ты принял сю грамотку и отставив против нас недружбу ехал к нам тот час в обоз, а мы тебя приятно примем», а герцог Мальборо с иронией отвечал ему отказом: «...не сумневая что милость ваша велика ко мне была б, естли б я был в ваших руках... И верю я вашей милости, что моя неправда, а ваша правда, токмо чаю, что в поле скоро увидимся, и правда в деле нашем сама обявится»<sup>34</sup>.

С немецкого или с нидерландского языка был переведен памфлет «Список з грамоты, какову писал владетель темности ко французскому синклиту о новопретворенной вере» (1686 г.). В этом сочинении власти Франции всячески расхваливались за гонения на французских протестантов. Острый комизм похвальной речи придавало указанное в послании имя автора — Люцифер и место отправки корреспонденции — Ад<sup>35</sup>.

Большим ценителем европейского юмора был Петр I. В начале 1696 г. он занимался в Воронеже строительством кораблей для Азовской флотилии. На стройке ощущалась острая нехватка мастеров. В это время среди переводов иностранной прессы появилось сообщение о том, что подрядчик, взявший на себя постройку каменной стены вокруг города Динанта, договорился относительно работников с дьяволом, который и выслал из ада большое

<sup>30</sup> Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 54.

<sup>31</sup> Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М., 1997. С. 226.

<sup>32</sup> РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 502.

<sup>33</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 94–95.

<sup>34</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 121–123.

<sup>35</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 338–341.

число искусных каменщиков. Публикация стала объектом для шуток в переписке между царем и его сподвижниками<sup>36</sup>.

Завершая анализ переведенных сотрудниками Посольского приказа памфлетов, остановимся на голландском «печатном листке», опубликованном уже в период пребывания Великого посольства в Гааге и переведенном в походной канцелярии. В начале этой публикации рассказывается о том, что в Польше умер Ян Собеский, королевское тело отвезено в Краков, и о том, что погребение и коронация отложены до прибытия де Конти и что обстановка в Польше напряженная из-за борьбы за польский трон. В этой части листа автор позволяет себе лишь одно шутливое высказывание: «Учинены добрые обещания о общем покое, но будут в том так слово свое держать, как собака свою женитбу, лишеб толко намерение свое достичь. По присловию латинскому: “Естьли право нарушить, то нарушить иво для государствования, в прочих же делех страх божий любити надлежит”»<sup>37</sup>.

Вторая часть листа посвящена прибытию Великого посольства. И если начало этого рассказа выглядит как обычное известие, то ближе к концу автор начинает посмеиваться над приезжими москвитями. Гаагский остролов не пожалел ни рядовых участников посольства, ни самого царя, нареченного «превеликим сатиром»: «Два княжие карлы, которые тут же меж посолскими людьми были, представляли умаление естества, виден такожде превеликий сатир, но тот к сим людям не принадлежал. В пребывающее подчивание в вечеру во дворе Новои Дуле нареченном, были умеренно чисты, как принадлежит людям чиновным и честным. Поваренные ребята сами себя превосходили. Посолские люди были в исподе так веселы, как велте на свадьбе»<sup>38</sup>. Любопытно, что шутки издателя не встретили никакого возражения со стороны членов посольства. Очевидно, «превеликий сатир» сумел оценить голландский юмор.

### Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, следует отметить, что процесс восприятия и освоения европейских смеховых текстов в России не был линейным и равномерным. На рубеже XVI и XVII столетий «импортный» смех начинает все более интенсивно проникать в книжную культуру. Этот процесс затормозился после Смуты и вновь начал ускоряться ближе к окончанию правления царя Алексея Михайловича. На исходе XVII столетия перевод европейских смеховых памятников стал обычным явлением. Характерно, что заимствование европейского юмора в стадияльно-хронологическом плане шло параллельно с созданием оригинальных русских смеховых текстов. Очевидно, что культурная «реабилитация» книжного смеха была частью общего процесса распространения светской культуры в России.

Попадавшие в Россию образцы европейского юмора были очень разнообразны. Наиболее простыми для восприятия были тексты, в которых перед читателями в «вывернутом наизнанку» виде предстал привычный для них окружающий мир. Однако встречались и тексты, для понимания юмора которых требовался широкий кругозор и большой запас знаний. На XVII в. приходится усвоение русской культурой таких понятий, как ирония, пародия, политическая сатира, впоследствии получивших яркое развитие в русской литературе XVIII столетия.

В целом, как по числу названий, так и по количеству списков заимствованные юмористические тексты сопоставимы с оригинальными русскими смеховыми сочинениями.

Если говорить об источниках заимствования, то кроме польского влияния (несомненно, наиболее значительного) здесь прослеживается заметное воздействие смеховой культуры других регионов: это сочинения на греческом, латинском, немецком и голландском языках. Кроме того,

---

<sup>36</sup> Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 551, 562.

<sup>37</sup> РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 148–149.

<sup>38</sup> Там же. Л. 149–151.

не следует забывать, что многое из заимствованного через польское посредство принадлежало культуре Европы в целом.

#### Литература

- Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Уч. зап. Лен. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 48–56.
- Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1954. Т. XIII. Вып. 1. С. 37–47.
- Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М. «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // ДРВМ. 2012. № 4. С. 5–12.
- Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.
- Буланин Д. М., Николаев С. И. Чижинский Степан Федорович // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 229–232.
- Добролюбов Н. А. Русская сатира екатерининского времени // Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. М., 1962. Т. 5. С. 314–401.
- Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225–250.
- Каган М. Д. «Комедия о Бахусе с Венусом» // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 176–177. (Каган, 1993а)
- Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 224–226. (Каган, 1993б)
- Крюгер А. Самодеятельный театр при Петре I // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 358–385.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 47–70.
- Малэк Э. Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 427–429.
- Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. СПб., 2008.
- Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990.
- Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула. Опыт описания. М., 2009.
- Мочалова В. В. Гротескно-фантастический жанр новин польских совизжалов (истоки, традиция, значение) // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 231–263.
- Мурынов М. Ф. Из истории чувства юмора // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 197–203.
- Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163–192.
- Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. (Николаев, 1989а)
- Николаев С. И. Поэзия и дипломатия: из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 143–173. (Николаев, 1989б)
- Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII — первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 305–314.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Новоселов В. Р. Русское посольство во Францию 1668 г.: Два отчета об одной миссии // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 346–355.
- Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Охотина Н. А. Сказание о куре и лисице // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 418–421.
- Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 308–337.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Пигин А. В. Фацеции // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 76–80.
- Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869.
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999.
- Розов Н. Н. «История о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 440–448.

- Ромодановская Е. К.* Великое зеркало // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 165–171.
- Ромодановская Е. К.* Пародия как осознание формы // Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994. С. 165–180.
- Семячко С. А., Смирнов И. П.* Повесть о бражнике // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 85–89.
- Тарковский Р. Б.* К истории повествовательных форм русской басни XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 247–256.
- Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII: исследования, тексты, комментарии. СПб., 2005.
- Трахтенберг Л. А.* Пародийные челобитные в русской рукописной литературе XVII–XVIII вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс. Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2007. С. 686–687.
- Хипписли А.* Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 695–708.
- Шамин С. М.* Легендарная переписка турецкого султана и другие подделки XVII столетия // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 238–246. (Шамин, 2011a)
- Шамин С. М.* Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // ДРВМ. 2011. № 1 (43). С. 107–111. (Шамин, 2011b)
- Шамин С. М.* Вымышленное письмо султана Ибрагима I папе Иннокентию X: (Русский перевод немецкого памфлета) // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 262–268.
- Jensen C., Maier I.* Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The “Ballet” for the Tsar of February 1672 // Scando-Slavica. 2013. № 2 (59). С. 145–184.
- Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.